

Овчинников Денис Павлович

МАЛОРОССИЙСКИЙ ФИЛЭЛЛИНИЗМ Н. В. ГОГОЛЯ В ПОВЕСТИ "СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ"

В статье устанавливается качественно-характерная доминанта новаторства Н. В. Гоголя в использовании античного жанра идиллии как основообразующего в повести "Старосветские помещики". В этой связи в пределах указанного жанра прослеживается эволюция филэллинизма в обращении писателей малороссийского текста русской литературы к теме античности. Автор обосновывает положение о том, что сатирическая и историко-патриотическая темы при изображении Греции О. М. Сомовым были усвоены и преодолены Н. В. Гоголем, обратившимся к энергетике архаичного жанра идиллии, чтобы, не отвлекая внимания от эмоциональности в сторону предметности, сильнее и глубже донести до читателя цивилизационное предупреждение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 42-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE POETRY OF KAISYN KULIEV: LITERARY PECULIARITIES AND NATIONAL IDENTITY

Magulaeva Farida Lazarevna

*Karachaevo-Cherkessky State University named after U. D. Aliev, Karachaevsk
bostanova1981@mail.ru*

The article discusses the literary features of the poetry of K. Kuliev, which stands in the forefront of the poetic thought of the XX century. The poetry by K. Kuliev absorbed in itself and highly expressed old traditions of the national Balkar poetic culture. It adapted multicolored nature of Oriental literature in the national-figurative element. It creatively mastered and developed the experience of Russian, European and world art and poetry in the atmosphere of ethnic understanding of the world. Kaisyn Kuliev deeply understood and highly expressed the idea, which raised his poetry to global, universal heights.

Key words and phrases: Balkar poetry; spiritual kinship; national identity; world view; dramatism; humanism; lyrical character; image; theme; Kaisyn Kuliev – Balkar poet.

УДК 821.161.1

В статье устанавливается качественно-характерная доминанта новаторства Н. В. Гоголя в использовании античного жанра идиллии как основообразующего в повести «Старосветские помещики». В этой связи в пределах указанного жанра прослеживается эволюция филэллинизма в обращении писателей малороссийского текста русской литературы к теме античности. Автор обосновывает положение о том, что сатирическая и историко-патриотическая темы при изображении Греции О. М. Сомовым были усвоены и преодолены Н. В. Гоголем, обратившимся к энергетике архаичного жанра идиллии, чтобы, не отвлекая внимания от эмоциональности в сторону предметности, сильнее и глубже донести до читателя цивилизационное предупреждение.

Ключевые слова и фразы: Н. В. Гоголь; О. М. Сомов; малороссийский текст; идиллия; периферийные жанры; антикризисный потенциал.

Овчинников Денис Павлович

*Ивановский государственный университет (филиал) в г. Шуе
denis_ovchinnikov1993@mail.ru*

МАЛОРОССИЙСКИЙ ФИЛЭЛЛИНИЗМ Н. В. ГОГОЛЯ В ПОВЕСТИ «СТАРОВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»

Жизнь Афанасия Ивановича Товстогуб и жены его Пульхерии Ивановны – главных, но не единственно важных для воплощения замысла автора героев повести «Старосветские помещики» (1835), выглядит более чем идиллической: радостный и греющий душу быт старичков, хлебосольство хозяев, почитающих своих гостей, неистощимое количество гастрономических запасов, которые дает «благословенная земля», – и все это на фоне благодатного малороссийского пейзажа, пения соловья и раздающейся на две версты музыки хозяйских дроздов. Повествователь указывает на сходство помещиков с мифическими персонажами поэмы Овидия «Метаморфозы»: «Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их» [5, с. 7]. Присущая им доброта, радушие, чистосердечие, не единожды подчеркиваемая скромность старичков подтверждают обоснованность такой аналогии.

Жизнь казалась полной мира, любви и нежности, без тяжелых забот и борьбы до рокового события с кошкой и последовавшей затем смертью сначала Пульхерии Ивановны, а затем и Афанасия Ивановича. Что-то разомкнуло, выбило из колеи заданный автором ход бытия: счастливая жизнь старичков должна была закончиться в один день, как закончилась она для Филемона и Бавкиды по испрошенной за их праведность награде: «Час пусть один унесет нас обоих» [12, с. 393].

С появлением в конце повести наследника-реформатора предшествующий текст переносится в иную плоскость понимания: перед нами приговор Гоголя новой цивилизации, ее отрицательному влиянию на внутренний мир укорененного в быту человека старой формации. По мнению Т. Попович, «причиной уничтожения буколической жизни, которая является олицетворением первоначального человеческого счастливого и гармоничного мира, был не “народ мрачный и дикий”, а те, что “гораздо более цивилизованы”» [15, с. 64], т.е. домашняя кошка и наследник-реформатор. Рассуждения исследовательницы о кризисологических проблемах «Старосветских помещиков» послужили для нас плодотворным материалом при наблюдении над воплощением цивилизационного предупреждения в самом жанре повести.

Обращение писателя к жанру идиллии – это попытка зримо представить прекрасные картины ушедшей жизни («идиллия» в переводе на русский язык означает «картинка»). Вот то, что определяет своеобразие воплощения жанра идиллии в повести «Старосветские помещики», поскольку, как отмечал Андрей Белый, лексема «свет» в сознании Гоголя ассоциируется с жизненным укладом патриархальной, былой Украины [2, с. 54-55]: «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет» [5, с. 7]; «Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленьки, низеньки, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей» [Там же, с. 8].

Для повествователя, лично знавшего старосветских помещиков, их пример есть идеал радостной жизни, гармонии между людьми и природой, особо необходимые тогда, когда все в обществе требует обновления из-за господства пошлости, задавившей в людях все живое и истинное: «Их лица мне представляются и теперь, иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда вдруг на меня находит полусон и мерещится бывшее» [Там же, с. 7].

Жанр идиллии, берущий свое происхождение от Феокрита, в русской литературе ярче всего заявивший о себе в творчестве сентименталистов, предметом изображения которых становятся сельская простота и естественность отношений, к середине 20-х гг. XIX века уже воспринимается как устаревший, не отвечающий требованиям современного искусства. Так, А. С. Пушкин в строфе LIV первой главы «Евгения Онегина», когда Онегин прибывает в деревню дяди, пародирует жанровые черты идиллии, изображая картины природы поэтическими штампами сентиментальной лирики: «Два дня ему казались новы // Уединенные поля, // Прохлада сумрачной дубровы, // Журчанье тихого ручья; // На третий роща, холм и поле // Его не занимали боле» [17, с. 144]. Пушкин фиксирует расхождение в сознании петербургского жителя Онегина между идеалом и повседневностью. Воспринимая природу через призму прочитанных сентиментальных книг, Онегин внутренне чужд идеалу сентиментализма об органической, патриархальной жизни на лоне природы, слившись с которой «молодой повеса» не может ни найти мирной тишины, ни обрести счастья. Таким образом, прочтение жанра посредством его формального воплощения в произведении ценно как независимое от содержания высказывание, но служащее метатекстовым подтверждением заключенного в его сути предупреждения.

К теме античности, в частности к античному жанру идиллии, обращались такие авторы, как В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Катенин и др. Расширяя спектр влияния исследуемой нами темы, согласимся с определением, данным И. Ф. Анненским в его лекциях по истории античной драмы, воспринимавшим античность как «культурную силу, которая, своеобразно видоизменяясь, не только жила до сих пор в истории европейского человечества, но продолжает жить и теперь в нашей науке, искусстве, вкусах, культурных понятиях» [1, с. 29]. Не прекращающееся и по сей день обращение в культуре и литературе к теме античности вызвано требованием вернуть миру мировоззренческую сущность мифа посредством неомифологического слова. Как отмечает В. П. Океанский, «неомифологическое – признак неразложимости мифа и мифологического сознания в эпоху, когда почти все убеждены в том, что мифы остались в далёком прошлом» [14, с. 63]. Универсум античности сегодня – это картина мира на основе мифа, в котором клокочет всепоглощающий хаос повседневности и простирается безграничный демиургический космос идей.

Среди писателей малороссийского текста русской литературы до Гоголя, например, филэллинизм О. М. Сомова в сочинении «Алкид в колыбели» (1832) соотносится с современными цивилизационными вызовами. Рассуждая на патриотическую тему, автор сравнивал отечество с образом всемогущего героя Геракла, чье развитие пока еще не достигло своего расцвета, с верой в лучшее будущее России: «Не останавливайся на распутии, подобно Алкиду древнему, Отечество мое, Россия прекрасная! иди прямым путем, путем просвещения истинного, гражданственности нешаткой, незыблемой; презирай вой твоих буйных завистников и вознеси чело твое над странами мира как символ искупления, символ благодати неба к сынам земли!» [19, с. 285].

В 1822 году Орест Сомов выступает на страницах «Соревнователя» с поэтическим переложением стихотворения Ардана «Греция», которое явилось одним из наиболее значительных выступлений русской гражданской поэзии 1820-х годов в поддержку борьбы греческого народа за независимость от Османской империи. Концовка стихотворения принадлежала самому Сомову:

«Услышано мое моленье!
Грек за свободу стал – в тиранов сеет страх!
И тени предков в восхищенье
Зрят дух великий свой, оживший в их сынах!
Разите – и во гневе яром
Удары сыпьте за ударом!
Мужайтесь – мести грозный час!
Омойте кровью стыд свой прежний,
Мечом купите мир надежный!
Вы за свободу... Бог за Вас!..» [16, с. 221-222].

Гоголь неоднократно на протяжении всей жизни обращался к теме войны за независимость Греции в 1821-1829 гг. в своих произведениях: «Ганц Кюхельгартен» (1829) [8, с. 135; 9, с. 16], «Портрет» (1835) [11, с. 26], «Мертвые души» (1842) [18, с. 90-91] и др. Недаром В. В. Гиппиус в синхронической канве жизни и творчества Н. В. Гоголя на фоне эпохи выделяет наряду с поступлением Гоголя в Нежинскую гимназию высших наук в 1821 году начало греческого восстания [3, с. 441]. В поэме «Мертвые души» упоминается Ласкарина Бубулина, героиня многочисленных лубочных картин, украшавших дворянские гостиные и ямские станции по всей России [18, с. 92]. В жизни была богатой, незаурядной женщиной, принимала участие в греческой войне за независимость, закупала оружие и продовольствие для повстанцев, командовала кораблем при осаде Навплии. В динамике крупных планов ее портрет усиливает контраст между миром низких денежных афер «мертвых душ» и миром высоких поступков, а характер (выраженный в гоголевской детали: «героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные» [4, с. 148]) и предприимчивость Бубулины соответствует тому представлению Гоголя о роли женщины в свете, которое он выразит в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847): «Клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на все благородное» [6, с. 101].

Сомов обращался к теме античности и в сатирическом ключе в стихотворении «Греки и римляне», напечатанном в 1823 г. в журнале «Сын отечества», представляющем собой вольный перевод сатирической «Элегии» Ж. Бершу:

«О вы, ученые наставники людей,
Сосуды мудрости, светила наших дней!
Энтузиазмы к нам внесли вы, *симпатии*;
Вам слава!.. но пока по-гречески в России
Вы не успели всех крестьян переучить, –
Не всё ли вам равно по-русски говорить?» [16, с. 223].

Как отголосок полемики Сомова об актуальности классического образования, в частности строгости наказаний и механического запоминания, звучат слова Тараса Бульбы к сыновьям, вернувшимся из Киевской академии, где они постигали латинскую и греческую ученость: «А что, сынки, признайтесь, порядочно вас стегали березовыми да вишневыми по спине и по всему, а может, так как вы уже слишком разумные, то и плетюгами?» [5, с. 27]; «А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоты-то не слишком разумею сильно, то и не помню; Гораций, кажется?» [Там же].

Смеховая культура, заметно проявившаяся в творчестве Гоголя и Сомова, берет начало в ироикомиической поэме И. П. Котляревского – малороссийской «Энеиде» (1798), близкой по хтонической и героической мифологии, по сочетанию идеализированных картин древности с актуальными политическими мотивами [23, с. 35].

Один из главных теоретиков йенского романтизма Фридрих Шлегель писал, что изучение древних греков и римлян есть «лучшее прибежище от искушений или притеснений эпохи» [22, с. 72-73]. Если само обращение к античной архаике воспринимать как процесс восприятия источника, имеющего энергичное, а не пассивное начало, то в повести «Старосветские помещики» Гоголь творчески переосмыслил назначение периферийного в середине 30-х гг. XIX века жанра идиллии в ситуации кризиса романтизма в литературе. Ю. Н. Тынянов отмечал, что «не то что в центре литературы движется и эволюционирует одна исконная, преемственная струя, а только по бокам наплывают новые явления, – нет, эти самые новые явления занимают именно самый центр» [20, с. 257].

Идиллия А. А. Дельвига «Конец золотого века» (1828) является опытом возрождения жанра в русской литературе. Еще Петр Шаликов в «Путешествии в Малороссию» (1803) отмечал: «Что была Аркадия, по описанию поэтов, в Греции, то или почти то Полтава в Украине» [21, с. 549]. «Патриархальные счастливые времена» отмечал Шаликов при виде Полтавы, подготавливая этим пронизательным замечанием идиллический пафос повести Гоголя «Старосветские помещики». К. Н. Батюшков обращался к древности в попытке «противопоставить власти времени некое запредельное счастье античных эпикуровских богов» [13, с. 20]. Если у Батюшкова в «Совете к друзьям» (1806) «просматривается неутолённая тоска по «золотому веку», возможному ныне лишь в мечтах» [Там же, с. 18], то Дельвиг, разочарованный в современном обществе, приносящем лишь страдания патриархальному миру, через античный жанр транслировал идеи, характерные для современной общественной мысли: «Вечная ночь поглотила города! Из вашего града // Вышла беда и на бедную нашу Аркадию!» [7, с. 195].

Благодаря произведениям Дельвига и Гоголя жанр идиллии распространился на более широкий ряд явлений литературы. Так, Ф. М. Достоевский продолжил полемику с современными искажениями древней европейской цивилизации в романе «Подросток» (1875), в котором Андрей Петрович Версиков рассказывает Аркадию сон о буколической жизни «золотого века» и заходящем солнце последнего дня европейского человечества [15, с. 66].

Имея за плечами опыт создания романтической «идиллии в картинах» «Ганц Кюхельгартен», Гоголь наделил повесть «Старосветские помещики», в жанровом качестве идентифицирующую себя как идиллию – своего рода стихотворение в прозе, в котором изображаются сцены мирной сельской жизни, несвойственным идиллии как жанру кризисологическим содержанием: скорбью о конце «золотого века» как невозможности существования в современном мире незыблемого мирного уголка счастья, в котором можно укрыться от искажений реальности, вызванных цивилизационными потрясениями самих основ жизни. Использование энергетики архаичного жанра для трансляции идей, характерных для современной общественной мысли, а также рецепция гоголевской техники Достоевским в романе «Подросток» – подтверждают культурную значимость творчества Гоголя, его ведущую роль по отношению к эллинофильству Сомова как писателя малороссийского текста русской литературы в формировании образа Греции, отложившейся в сознании аудитории.

Становится ясным, что замысел Гоголя воплотить цивилизационное предупреждение в форме античного жанра уточняет устойчивую, долго державшуюся, оценку идиллии как жанра только классицистической поэзии, неспособного высказать новое, неведомое современности слово. Идиллия в контексте повести становится тем «ясным» и «солнечным» днем (соответствие внешним атрибутам жанра), который вызывает темное эмоциональное потрясение (несвойственное жанру содержание): «страшен этот таинственный зов» «ужасной тишины» – днем «безоблачным», который страшнее, чем «ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий». Сила повести-идиллии «Старосветские помещики» – в предвидении тех исторических конфликтов, решением которых занята наша современность, чтобы наша жизнь не превратилась в итоге в «страшную сердечную пустыню» [5, с. 23]. Обращаясь к внутреннему миру человека, шаг за шагом, неспешным ритмом располагая читателя, «Старосветские помещики» Гоголя в короткий срок производят совершенно неожиданное, мгновенное потрясение: возникает предостерегающий образ сада над бездной, захватывая читателя великим чувством тоски по утраченному раю.

Список источников

1. Анненский И. Ф. История античной драмы: курс лекций. СПб.: Гиперион, 2003. 416 с.
2. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2013. 559 с.
3. Гиппиус В. В. Гоголь. М.: Аграф, 1999. 464 с.
4. Гоголь Н. В. Мертвые души. М.: Эксмо, 2013. 592 с.
5. Гоголь Н. В. Миргород. СПб.: Наука, 2013. 569 с.
6. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 6. Духовная проза; Критика; Публицистика. 560 с.
7. Дельвиг А. А. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1983. 288 с.
8. Иванова Л. В. Античность в художественном сознании Н. В. Гоголя // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2010. Т. 10. № 3. С. 134-138.
9. Левина Г. Л. Античная традиция в цикле Гоголя «Миргород» (к постановке вопроса: Платон и Гоголь) // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2002. № 132. С. 16-18.
10. «Младоформалисты»: Русская проза. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. 256 с.
11. Назиров Р. Г. Ростовщик из «Портрета» // Северо-Восточный научный журнал. 2011. № 1. С. 25-27.
12. Овидий. Метаморфозы // Овидий. Наука любви. М.: Эксмо, 2011. С. 316-453.
13. Океанский В. П. Русская словесность: древность и классика. Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. 67 с.
14. Отечественная интеллектуальная культура: материалы к энциклопедии (моделирующий глоссарий: ключевые имена и понятия) / под ред. В. П. Океанского. Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. 176 с.
15. Попович Т. Европеизм и античность в повести Гоголя «Старосветские помещики» // STEPHANOS. 2014. № 6 (8). С. 61-68.
16. Поэты 1820-1830-х годов: в 2-х т. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 1. 792 с.
17. Пушкин А. С. Золотой том. Собрание сочинений. М.: Имидж, 1993. 975 с.
18. Смирнова-Чикина Е. С. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»: комментарий. Л.: Просвещение, 1974. 318 с.
19. Сомов О. М. Были и небылицы. М.: Советская Россия, 1984. 368 с.
20. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255-270.
21. Шаликов П. И. Путешествие в Малороссию // Ландшафт моих воображений: страницы прозы русского сентиментализма. М.: Современник, 1990. С. 516-570.
22. Шлегель Ф. О ценности изучения греков и римлян // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2-х т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. С. 70-87.
23. Яценко М. Т. Творчество И. П. Котляревского в идейно-эстетическом контексте нового времени // Котляревский И. Сочинения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 5-54.

**N. V. GOGOL'S LITTLE RUSSIAN PHILHELLENISM
IN THE SHORT STORY "THE OLD WORLD LANDOWNERS"**

Ovchinnikov Denis Pavlovich
Ivanovo State University (Branch) in Shuya
denis_ovchinnikov1993@mail.ru

In the article the qualitatively characteristic dominant of N. V. Gogol's innovation in the use of the ancient genre of idyll as underlying in the short story "The Old World Landowners" is ascertained. In this connection, within the specified genre, the evolution of philhellenism in the reference of the writers of the Little Russian text of Russian literature to the theme of antiquity is traced. The author grounds the thesis that the satirical and historical-patriotic themes in the depiction of Greece by O. M. Somov were assimilated and overcome by N. V. Gogol, who used the energy of the archaic genre of idyll, so that, without distracting attention from emotionality towards objectivity, to convey stronger and deeper the civilizational warning to the reader.

Key words and phrases: N. V. Gogol; O. M. Somov; Little Russian text; idyll; peripheral genres; anti-crisis potential.

УДК 821.161.1

Статья посвящена проблеме диалектического взаимодействия традиционного и индивидуального в поэзии и прозе карачаевской писательницы Х. Байрамуковой. В результате исследования раскрыта взаимообусловленность национальных форм и методов отражения реальности и уникальной жанровой стилистики произведений поэтессы. Показано, что лирическая основа стихов и прозы художника слова обусловлена традицией и индивидуальным творческим стилем. Определяются новые аспекты ее творчества – диалектики известных и новаторских форм, общего и индивидуального в авторских текстах.

Ключевые слова и фразы: лирический репортаж; традиционная символика; герой; тема; индивидуальный стиль; образ; символ.

Ордокова Анжелла Юрьевна, к. филол. н., доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
a.ordokova@mail.ru

**ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО:
К ВОПРОСУ О ПИСАТЕЛЬСКОЙ САМОБЫТНОСТИ Х. БАЙРАМУКОВОЙ**

Лирика Х. Байрамуковой – новаторское явление в карачаево-балкарской литературе. Она является также существенным звеном российской многонациональной поэзии.